

А.Д. Щербакова*

ТЕРРИТОРИЯ В ГЕОПОЛИТИЧЕСКОМ КОДЕ АРГЕНТИНЫ: ПРОСТРАНСТВЕННОЕ И ДИСКУРСИВНОЕ ИЗМЕРЕНИЯ

A.D. Scherbakova

TERRITORY IN THE ARGENTINE GEOPOLITICAL CODE: SPATIAL AND DISCOURSIIVE DIMENSIONS

Введение. Статья посвящена анализу места и роли фактора национальной территории в геополитических концепциях аргентинских военных теоретиков.

Цель. Проследить эволюцию подходов к пониманию территории как элемента геополитического кода Аргентины в рамках общей парадигмы развития геополитической мысли и с учетом внутри- и внешнеполитических факторов.

Материалы и методы. Исследование основывается на анализе работ аргентинских политических мыслителей и опубликованных трудов российских, американских и латиноамериканских ученых, посвященных геополитике как направлению научной мысли и отдельным аспектам международной политики Аргентинской Республики на разных этапах ее исторического развития. Применяются междисциплинарный и историко-эволюционный, а также системный подходы к анализу международных отношений, наряду с описательным и сравнительным методами.

Результаты. Показано, что после консолидации национального государства именно территория становится ключевым звеном формирования аргентинского геополитического кода. При этом содержание понятия «территория» на протяжении большей части XX в. менялось под влиянием не только тенденций в развитии науки геополитики, но и специфики ситуации внутри страны, а также видения международной обстановки ее правящими кругами.

Обсуждение. Формирование внешней политики государства в условиях растущей взаимозависимости, связанной с процессами глобализации и регионализации, по-прежнему в значительной степени определяется рядом констант и переменных. К таким переменным, воздействующим на характер поведения страны на мировой арене, можно отнести внутривнутриполитическую ситуацию в конкретных хронологических рамках и быстро изменяющуюся международную реальность. В то же время одной из констант, прямо или опосредованно влияющих на принятие внешнеполитических решений, стоит считать геополитическую традицию, сформировавшуюся в ходе эволюции политической системы государства.

*Щербакова Анна Дмитриевна — ст. науч. сотр. Ин-та Латинской Америки РАН, доцент каф. региональных проблем мировой политики ф-та мировой политики МГУ имени М.В. Ломоносова. *E-mail:* anna_scherbakova@list.ru

Заключение (выводы). Автор делает вывод о том, что территория, первоначально понимаемая как пространство формирования аргентинской нации, а позже трансформированная военными геополитиками в основу конфликтно-оборонительного дискурса, на протяжении десятилетий оставалась одним из ключевых компонентов геополитических концепций и подходов Буэнос-Айреса.

Ключевые слова: территория, пространство, дискурс, геополитический код, территориальный национализм, геополитическое видение.

Introduction. The article is devoted to the analysis of role and place of national territory in geopolitical concepts of Argentinean military theorists.

Objective. To trace the evolution of approaches to understanding the territory as an element of the geopolitical code of Argentina in the general framework of geopolitics and under influence of international and internal factors.

Materials and methods. The case study is based on an analysis of Argentinean political thinkers contributions and published works of Russian, American and Latin American scientists devoted to geopolitics as a direction of scientific thought and certain aspects of the international politics of the Argentine Republic at different stages of its development. An interdisciplinary and historical-evolutionary approaches as well as a systematic approach to the analysis of international relations were used, along with descriptive and comparative methods.

Results. The article shows that after the national state consolidation it was the territory that becomes the key link in the Argentinean geopolitical code formation. The content of the concept of “territory” for most of the twentieth century had changed under the influence of not only trends in the development of geopolitics, but also the specifics of the situation within the country, as well as the vision of the international situation by its ruling circles.

Discussion. A state’s foreign policy formation amid growing interdependence associated with the processes of globalization and regionalization is still largely determined by a number of constant and variable conditions. Such variables affecting the nature of the country’s behavior on the world stage include the domestic political situation in specific chronological framework and rapidly changing international reality. At the same time one of the constants that directly or indirectly affect the adoption of foreign policy decisions is the geopolitical tradition which has been formed during a state’s political system evolution.

Conclusions. The author concludes that the territory — initially understood as the space for the Argentine nation formation and later transformed into the basis of conflict-defensive discourse by military geopolitics — for decades remained one of the key components of Buenos Aires geopolitical concepts and approaches.

Key words: territory, region, discourse, geopolitical code, territorial nationalism, geopolitical vision.

Под геополитическим кодом (или кодексом) принято понимать некий набор стратегических предположений о других государствах, формулируемых и принимаемых во внимание правительствами отдельных стран при выработке внешнеполитического курса. Эти предположения содержат особый взгляд конкретного государства «вовне», оценку территорий за пределами государственных границ с точки зрения их стратегической важности для национальных интересов и потенциальных угроз, которые

те могут представлять¹. В Аргентине собственно геополитические теории и подходы, как считается, формируются только после Второй мировой войны, однако государство, его внутренняя организация, территория и делимитация границ, а также отношения с соседями занимали важнейшее место в воззрениях аргентинских государственных деятелей и политических мыслителей и в предшествовавшие периоды.

Территория как пространство

Трудно не согласиться с утверждением крупного российского политолога К.С. Гаджиева о том, что территория, понимаемая в географическом смысле как пространство, является важнейшим стратегическим ресурсом любого государства ввиду своей многоаспектности, подразумевая не только размер территории и месторасположение страны, но и специфику ее климатических условий (и то, насколько они, например, благоприятствуют развитию сельского хозяйства), наличие природных ресурсов (влияющее на структуру экономики), доступ или отсутствие такового к мировому океану и ближайшее окружение².

При этом одним из важнейших следствий географического положения государства, решающим образом воздействовавшим на его (само)позиционирование, длительное время считалась принадлежность к числу «морских» или «сухопутных» держав, находившихся, по мнению представителей классической геополитики, в состоянии непрерывного антагонизма. Это противостояние между державами Моря (талласократиями) и державами Суши (теллурукратиями) лежало в основе всех межгосударственных или — в рамках теории геополитики — геополитических конфликтов³. Причины этого виделись мыслителям в разном расположении государств относительно морских путей, влекущем за собой различия в их политическом строе и общественном устройстве. Считалось, что державам Моря удалось создать рыночную экономику благодаря развитию торговли и, как следствие, демократию как форму политической организации государства; тогда как державы Суши, вследствие своего континентального расположения, становились ареной правления консервативных правительств, ограничивавших гражданские свободы⁴.

Эта теория получила развитие в рамках классической геополитики в трудах представителей европейской и американской школ, но имела последователей и на южноамериканском континенте. Аргентинский вице-адмирал С. Сторни (1876—1954) одним из первых стал анализировать

¹ См.: Колосов В.А., Мироненко Н.С. Геополитика и политическая география: Учеб. для вузов. М., 2001.

² Гаджиев К.С. Геополитика: История и современное содержание дисциплины // ПОЛИС. Политические исследования. 1996. № 2.

³ См.: Багнюк В.Е. Теоретические представления о геополитических конфликтах в классической геополитике // Конфликтология. 2015. № 4.

⁴ См.: Бражников П.П. Пример рассмотрения борьбы держав суши и моря с точки зрения критической геополитики // Сравнительная политика. 2015. № 4 (21).

территорию своей страны в географическом смысле — как фактор, способный и даже должный влиять на ее развитие, ее внутреннюю и внешнюю политику. По мнению ряда авторов, его труды «Гидрографические работы и границы Аргентины в проливе Бигл» («Trabajos hidrográficos y límite argentino en el canal de Beagle», 1905), «Проект режима территориальных вод» («Proyecto de régimen de mar territorial», 1911) и «Территориальное море» («El mar territorial», 1926) заложили основу геополитики в Аргентине, позже оформившейся в этой стране как самостоятельное направление политической мысли. Более того, с выходом еще одной книги Сторни — «Морские интересы Аргентины» («Intereses Argentinos en el Mar», 1916) — видный российский ученый-латиноамериканист Б.Ф. Мартынов связывал зарождение геополитической мысли не только в Аргентине, но и в других странах Южной Америки⁵.

На формирование взглядов вице-адмирала очевидно повлияли не только труды американского историка и адмирала морского флота А.Т. Мэхэна (1840—1914) — автора идеи о преимуществе морской державы над континентальной, но и немецкого географа Ф. Ратцеля (1844—1904) с его биогеографической концепцией⁶ и развитием идеи о противостоянии между континентальными и морскими державами. На вопрос о том, в чем именно заключалось это влияние, попытался ответить аргентинский исследователь Г. Триполоне. Он проанализировал вклад трудов С. Сторни в становление геополитической мысли на берегах Ла-Платы, выявив не только влияние идей представителей европейской и американской школ геополитики на взгляды вице-адмирала, но и проследив воздействие его работ на дальнейшее развитие военно-политического мышления в этой стране. Так, по мнению Г. Триполоне, ключевой идеей, воспринятой С. Сторни у А.Т. Мэхэна, было представление о потребности государства в военно-морской силе как основе национальной обороны и в качестве эффективного средства защиты и «поощрения» торговли. В дополнение к этому, как утверждает исследователь, из книги Ф. Ратцеля «Земля и жизнь» («Der Erde und das Leben», 1902) аргентинский вице-адмирал почерпнул убеждение о влиянии моря на население страны и превосходстве народов, его выбравших и не «привязанных» к суше⁷.

О том, насколько эти предположения соответствуют действительности, можно судить по рассуждениям автора «Морских интересов Аргентины», который, обобщая факторы, определявшие «ориентацию и морскую экспансию народов», действительно писал в первую очередь о географиче-

⁵ Мартынов Б.Ф. Безопасность: Латиноамериканские подходы. М., 2000.

⁶ Концепция основывалась на представлении о государстве как организме, в составе которого «известная часть земной поверхности играет настолько существенную роль, что все свойства государства определяются свойствами народа и его территории. Такими территориальными, или естественными, природными свойствами являются величина, положение, формы поверхности, растительность и орошение, отношение к другим частям земной поверхности» (цит. по: Колосов В.А., Мироненко Н.С. Указ. соч. С. 37—38).

⁷ Tripolone G. Storni Segundo, el mar y la desespacialización de la política // Geopolítica(s). Revista de estudios sobre espacio y poder. 2015. Vol. 6, N 1. URL: <http://revistas.ucm.es/index.php/GEOP/article/view/48316> (дата обращения: 05.09.2016).

ческих. Они, с его точки зрения, коренятся в месторасположении, конфигурации территории, производствах и населении, в то время как моральные — факторы второго порядка, по его мнению, связаны с характером, способностями, обычаями и возможностями народов и их правительств⁸. Отсюда делался вывод о важном, если не определяющем, воздействии географического положения на развитие государств, для подкрепления которого аргентинский мыслитель оперировал делением земного шара на полушария Воды (*de las aguas*) и Суши (*de las tierras*), поскольку именно оно, по его мнению, имело первостепенное значение для Аргентины. В первое С. Сторни включал все континенты за исключением Антарктиды, которую он относил к полушарию Воды вместе с «обширным и уединенным морем», окружавшим Австралию, многочисленные острова Океании, почти полностью территорию Аргентины и часть Чили, «устремленные» к Южному полюсу⁹.

Еще одно важное следствие географической реальности страны вице-адмирал видел в ее «островном», или обособленном, положении, которое, по его мнению, уже стало одной из главных детерминант происхождения и исторического развития нации и продолжит во многом определять ее «внешнее существование» в будущем. Несмотря на то что республику объективно окружало не только море, но и другие государства, гораздо более важным фактором, влияющим на ее роль в мире, он считал удаленность этого «почти острова» от «центра тяжести цивилизации» (*centro de gravedad de la civilización*), расположенного от Аргентины на расстоянии десятка тысяч километров морского пути. Именно поэтому основные ожидания Буэнос-Айресу стоило связывать не с принадлежавшими Суше соседями, а с морем — посредством все того же морского пути¹⁰.

Обозначив таким образом приоритет морских интересов страны, вице-адмирал разделял аргентинскую территорию на несколько секторов (*hinterland*¹¹) в зависимости от наличия там порта или иной связи с морем. Использование Сторни термина «хинтерлэнд», на наш взгляд, в очередной раз подчеркивает влияние работ классических геополитиков на его мировоззрение. Итак, он делил территорию Аргентины на коммерческий, или торговый, хинтерлэнд Ла-Платы, включавший в себя большую часть провинции Буэнос-Айрес, всю Месопотамию, Санта-Фе, Чако и Формосу и почти все остальные провинции до Андских долин. В качестве его «канала для связи» с морем выступает р. Ла-Плата, и автор подчеркивал значение такой географической конфигурации и связанных с ней факторов для единства и формирования нации; коммерческий сектор Баия-Бланки, довольно обширные внутренние территории которого (тоже хинтерлэнд) включали юг и юго-восток провинции Буэнос-Айрес, почти всю

⁸ *Storni S.R. Intereses Argentinos en el Mar. Buenos Aires, 2009.*

⁹ *Ibid.*

¹⁰ *Ibid.*

¹¹ *Hinterland* (англ.) — термин, употребляющийся для обозначения удаленных от побережья внутренних регионов.

Ла-Пампу и юг Сан-Луиса и Мендосы; сектор Сан-Антонио, или залива Сан Матиас; сектор Мадрин, или Новый залив; Комодоро Ривадавию, или залив Сан-Хорхе; Сан Хулиан и Гальегос и Ушуйю в глубине пролива Бигл. Примечательно, что все эти центры политический мыслитель считал будущими морскими столицами, на что не могло, по его мнению, повлиять наличие там только второстепенных портов, обслуживавших преимущественно каботажное плавание¹².

Соответственно, отталкиваясь от «связи» с морем различных частей страны, а значит, их возможности взаимодействовать с «центром тяжести цивилизации», формировалась своеобразная «табеля о рангах» в рамках национальной территории, отражавшая реалии ее экономического и политического развития на протяжении истории. Так, исходя из возможности осуществлять автономную внешнюю торговлю, обусловленной выгодным географическим положением в эстуарии, регион Ла-Плата, по мнению вице-адмирала, оказывается торговым и стратегическим полюсом в устье большой реки, в котором «сходятся многие дороги, для того чтобы присоединиться к маршруту» по направлению к континентальному полушарию, и одним из крупных торговых узлов Суши. Отсюда — ключевая роль сектора Ла-Платы, который должен стать осью действия аргентинской морской мощи, чтобы гарантировать «постоянное существование и неприкосновенность в наших водах существенного фактора для жизни государства» — морского товарообмена¹³.

Именно на этих положениях основывались большинство критиков теории С. Сторни, по мнению Г. Триполоне. Прежде всего, аргентинский исследователь объяснял это тем, что вывод вице-адмирала о морских интересах Аргентины не учитывал аргентинское политическое пространство, но подчинял его необходимости развивать морскую торговлю. Так, при формулировании своих предложений по выработке политики, вице-адмирал рассматривал страну отдельно от остальной части континента, а город-порт Буэнос-Айрес от внутренних территорий. В результате, выступая за поддержание и развитие морской торговли, С. Сторни, по мнению Г. Триполоне, фактически не принимал во внимание существовавшую пространственную целостность Аргентины¹⁴.

В рамках общей парадигмы развития геополитики очевидно, что работы вице-адмирала стоит отнести к трудам ее классического этапа. Однако если говорить о становлении и развитии этого направления научного и практического знания в Аргентине, то, на наш взгляд, их следует считать своего рода предтечей собственно геополитических теорий и подходов. Их появление во второй половине XX в. в значительной степени было связано с вооруженными силами, в среде которых не только развиваются собственные оригинальные теории, но и выделяются те, кто пытался реализовывать эти теории.

¹² *Storni S.R.* Op. cit.

¹³ *Ibid.* P. 38.

¹⁴ *Tripolone G.* Op. cit.

Больше чем пространство

Этот важнейший этап развития аргентинской геополитики был отмечен выдвиганием самобытных концепций и подходов, отталкивавшихся не только и не столько от географического положения страны, но и от ее роли в региональных и международных делах. Объективно существовавшая географическая реальность не утратила своей важности, однако стала восприниматься через призму территориальности — с акцентом на конкуренцию за пространство и имеющиеся там ресурсы. Для Аргентины проблема территориальности стояла очень остро еще с колониального периода, будучи воспринимаемой в контексте так называемых утраченных территорий — территорий, которых, как утверждалось, страна лишилась в XIX в. в результате сепаратизма отдельных провинций или экспансии соседних государств. Именно эти представления, по мнению ряда аргентинских исследователей, десятилетиями поддерживали интерес к географии не только среди интеллектуалов, но и среди политиков, и стали предпосылкой для появления геополитических концепций, связанных с внутренней организацией государства и определением его границ.

Так, с одной стороны, авторы «Введения в аргентинскую геополитику», опубликованного в 1950 г., по-прежнему отталкивались от территории страны и ее природных ресурсов для оценки влияния географической среды и ее особенностей на национальное развитие. С другой стороны, в центре внимания политических мыслителей в этот период неизменно находилась постоянная угроза со стороны Бразилии (или то, что воспринималось как угроза), проблемы контроля бассейна р. Ла-Плата, способы интеграции национальной территории и потенциальная экспансия в Антарктиде и на островах Южной Атлантики¹⁵. На наш взгляд, это может свидетельствовать о сохранявшейся важности пространственного измерения в подходах Буэнос-Айреса с учетом изменившейся не географической, но геополитической реальности.

Отдельное место среди теоретиков геополитики в Аргентине этого периода занимал Х. Атенсио, автор фундаментальной работы «Что такое геополитика?», увидевшей свет в 1965 г. и содержавшей новаторские по отношению к трудам его предшественников идеи. Атенсио считал геополитику политической наукой, основанной на географической реальности и значимой для определения внешней политики. Однако, проанализировав географические характеристики и их влияние на политическое развитие государств и отказавшись от географического детерминизма, он пришел к выводу, что их вне сомнения стоит принимать во внимание при разработке международной политики страны, но переоценивать не следует, учитывая и другие факторы. Отталкиваясь от расположения страны в пространстве, этот теоретик считал, что стране следует придерживаться курса, «ценящего наше территориальное наследие» и направленного на «сохранение суверенитета над территориями под нашей юрисдикцией

¹⁵ См. подробнее: *Щербакова А.Д.* К вопросу о развитии геополитической мысли в Аргентине // Латинская Америка. 2018. № 4.

на суше, море и в воздухе... признание наших прав на владение Мальвинскими островами и окончательное разграничение аргентинского сектора Антарктики»¹⁶.

Территория как часть дискурса

Авторитетный российский ученый В. А. Колосов, оценивая современный этап развития геополитики, писал, что в отличие от неоклассического направления, многие авторы стали рассматривать геополитику как дискурс, имея в виду формирование сугубо прикладного и потому упрощенного геополитического видения мира в интересах отдельных политиков или государственных деятелей¹⁷. На наш взгляд, подобный подход к «практическому использованию» геополитики был характерен и для военно-политического мышления на берегах Ла-Платы.

Так, по мнению ряда аргентинских авторов, выраженный фокус на потенциальной угрозе со стороны соседей, характерный для военной геополитики, основывался на критике «территориальной раздробленности» и «пацифизма», традиционных для международной политики страны. С точки зрения аргентинского географа К. Реборатти, к этому следовало добавить идеологическую составляющую национализма, понимаемого как способ возвеличивания отдельных социальных групп на основе их географических особенностей¹⁸. Среди российских исследователей Б. Ф. Мартынов также признавал крайне важную роль национализма в развитии латиноамериканских (и аргентинской в том числе) школ геополитики. Именно с ним ученый связывал расцвет геополитической мысли в странах региона в 1960—70-е гг. По его мнению, в этот период географические характеристики теряют свою первостепенную важность для геополитики с ростом значимости цивилизационных особенностей, поскольку геополитические учения, основанные почти исключительно на учете только географических, политических и военных реалий, вступали в противоречие с историческими и культурологическими факторами¹⁹.

К таким важнейшим историко-культурологическим факторам, в значительной степени определявшим геополитическое видение граждан (т.е. нормативную ментальную политическую карту мира или региона, включающую представления о территории государства, его границах, предпочтительных моделях государственного устройства, а также внутренних и

¹⁶ Цит. по: *Deciancio M.* La construcción del campo de las relaciones internacionales argentinas; contribuciones desde la geopolítica // *Revista de Relaciones Internacionales, Estrategia y Seguridad.* 2017. N 12 (2). P. 191. URL: <http://dx.doi.org/10.18359/ries.2316> (дата обращения: 15.08.2017).

¹⁷ *Колосов В.А., Зотова М.В.* Геополитическое видение мира российскими гражданами: Почему Россия не Европа? // *ПОЛИС. Политические исследования.* 2012. № 5. URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/2014/0613/analit05.php> (дата обращения: 09.12.2017).

¹⁸ *Reboratti C.E.* El encanto de la oscuridad: Notas acerca de la geopolítica en la Argentina // *Desarrollo Económico.* 1983. Vol. 23, N 89. URL: <http://www.jstor.org/stable/3466451> (дата обращения: 03.10.2016).

¹⁹ *Мартынов Б.Ф.* Указ. соч.

внешних силах, способствующих или препятствующих их реализации, по определению В.А. Колосова²⁰) в случае Аргентины, на наш взгляд, стоит отнести так называемый территориальный национализм. Речь прежде всего идет об упоминавшихся выше представлениях о внушительных территориальных потерях части «наследства» метрополии, для подтверждения которых военные геополитики использовали карты вице-королевства Рио-де-ла-Плата или некую геоисторическую карту, позволявшую насчитать целых двенадцать «сегрегаций, перенесенных Аргентинской республикой»²¹.

Крупный аргентинский политолог К. Эскуде считал, что в основе аргентинского территориального национализма лежало ошибочное представление о понесенных Аргентиной и Чили в XIX в. значительных территориальных потерях. Наиболее ярким его проявлением было, с точки зрения ученого, распространенное в Чили мнение о том, что вся территория Патагонии должна быть под юрисдикцией Сантьяго, наряду с параллельно существовавшей в соседней Аргентине убежденностью в справедливости своих претензий на чилийские земли к югу от р. Био-Био. Для Буэнос-Айреса одним из аргументов в пользу подобных притязаний был его статус столицы вице-королевства Рио-де-ла-Плата в рамках колониальной империи. Соответственно, в качестве утраченных воспринимались также территории, некогда бывшие частью того вице-королевства, но ставшие самостоятельными государствами после завоевания независимости — Боливия, Парагвай и Уругвай²². Кроме того, в аргентинскую «воображаемую территорию» Эскуде включал «аргентинский антарктический сектор», острова Южная Георгия, Южные Сандвичевы и Южные Оркнейские — территории, на которые, по его словам, Буэнос-Айрес претендовал, но никогда не контролировал²³. По мнению ученого, это представление о столь внушительных территориальных потерях и делало нацию чрезвычайно чувствительной к проблеме территориальных споров, что нашло свое отражение не только в работах по геополитике, но и в политике реальной.

Другой аргентинский исследователь, Э. Бохославски, в вопросе о причинах такой чрезмерной «озабоченности» территориальными вопросами Буэнос-Айреса отталкивался от одного из выводов К. Эскуде о том, что аргентинский национализм был нацелен на воспроизводство территориальных конфликтов. Как говорилось выше, Эскуде считал ошибочным распространенное представление о понесенных страной в XIX в. значи-

²⁰ Колосов В.А., Зотова М.В. Указ. соч.

²¹ Buchrucker C. Pensamiento político militar argentino: El debate sobre las hipótesis de guerra y la geopolítica // Estudios. Revista del Centro de Estudios avanzados. Universidad Nacional de Córdoba. 1994. N 3. URL: <https://revistas.unc.edu.ar/index.php/restudios/article/view/408/0> (дата обращения: 20.09.2016).

²² Escudé C. Argentine Territorial Nationalism // Journal of Latin American Studies. 1988. Vol. 20. N 1. URL: <http://www.jstor.org/stable/157332> (дата обращения: 03.10.2016).

²³ Escudé C. Education, Political Culture and Foreign Policy: The Case of Argentina // Working Paper of the Duke-UNC Program in Latin American Studies. 1992. N 4. URL: http://www.argentina-rree.com/home_nueva.htm (дата обращения: 04.06.2016).

тельных территориальных потерях в условиях значительного же расширения территории (за счет Патагонии и провинций Формоса и Мисьонес). Соответственно, в территориальных спорах страны (как с Чили, так и с Великобританией), по его мнению, отсутствовали мотивы, связанные с «экономическими стимулами или властью над другими государствами», но присутствовал «территориальный национализм в чистом виде, в его примитивной и крайней форме», выразившийся в систематической индоктринации населения²⁴. Э. Бохославски, напротив, видел причины столь выраженной сфокусированности аргентинских националистов на территориальных вопросах в объективных трудностях, с которыми сталкивались творцы национального дискурса в конце XIX в. в процессе обретения легитимности и в попытке сохранить другие культурно-исторические атрибуты нации в тот период.

Речь шла о том, что «отцы-основатели» аргентинского государства в конце XIX столетия выявили или изобрели (по мнению некоторых исследователей) некий набор ценностей, разделяемых всем населением, и для самоопределения нации потребовалась в том числе переоценка особенностей занимаемой этим населением территории. В то же время отсутствие общенациональной культуры вызывало обострение территориальных проблем. В результате именно проблема территориальной целостности красной нитью проходит в дискурсе националистов и на протяжении большей части XX в. На практике это выражалось в чрезмерном внимании к пограничным вопросам, в «картографическом экспансионизме» и в формировании образа врага, в том числе и по территориальным критериям. По мнению Бохославски, если первоначально территория считалась физической основой (пространством) социальных и общественных отношений между жителями страны, то в первой четверти XX в. начинается внедрение совершенно иного ее восприятия, предложенного так называемыми культурными националистами, которое взяли на вооружение и более поздние поколения государственных деятелей. Территория становится чем-то большим, чем просто поверхность, а запас природных ресурсов — важным, иногда решающим, аспектом национальной идентичности. В результате вместо того, чтобы восприниматься как некое отдельное пространство, на котором развивалась определенная культура, территория начинает рассматриваться как основа групповой и индивидуальной идентичности аргентинцев²⁵.

Таким образом, имея в виду эти разные подходы к определению места территории в политическом дискурсе, можно констатировать ее важное, если не центральное, место. Принимая это в качестве точки отсчета, рассмотрим далее, каким образом подобное понимание территории — не только как географического пространства, но и как основы национально-куль-

²⁴ *Bohoslavsky E. Territorio y nacionalismo en Argentina, 1880—1980: Del espacio al cuerpo nacional // Encuentro de Latinoamericanistas Españoles: Viejas y nuevas alianzas entre América Latina y España. URL: <https://halshs.archives-ouvertes.fr/halshs-00104225> (дата обращения: 18.03.2016).*

²⁵ *Ibid.*

турной самобытности — отражалось на формировании геополитического видения аргентинцев, которое, в свою очередь, неизбежно влияло и на реальную политику Буэнос-Айреса, не только внешнюю, но и внутреннюю.

По мнению В.А. Колосова, геополитическое видение формируется под воздействием многочисленных факторов — от семейных традиций и образования до личного опыта человека — и разнообразных инструментов, создающих и распространяющих определенный набор мифов и стереотипных представлений о национальной истории и территории. Эти представления транслируются в русле геополитического дискурса, обобщающего определенную информацию о международных делах в привязке к конкретной территории, часто — в интересах отдельных групп элит, использующих его для обоснования своей (или проводимой) политики. В результате у граждан и формируется геополитическое видение мира²⁶.

Судя по всему, наиболее действенным инструментом формирования геополитического видения в Аргентине долгое время выступала та самая «индоктринация» (термин К. Эскуде), которая практиковалась националистически ориентированными правительствами на Ла-Плате на протяжении большей части XX в. Базовая идея аргентинских националистов заключалась в необходимости защиты нации, связанной с территорией, понимаемой как реальность, предшествовавшая государству. Неслучайно неурегулированные территориальные споры обострились на континенте именно в период пребывания у власти националистически ориентированных военных режимов — в контексте холодной войны, в условиях реализации в странах Южного конуса доктрин национальной безопасности и расцвета геополитики, академической и прикладной.

Первые работы аргентинских геополитиков еще констатировали первостепенное значение территории в ее географическом понимании и приверженность антиэкспансионистской традиции в политике страны, однако довольно скоро они уступили место новым теориям, появившимся в ответ на меняющуюся политическую и геополитическую реальность. Прежде всего, речь шла о теориях и подходах, отталкивавшихся от предположений об экспансионистской природе любого государства. Поэтому, как утверждалось, вооруженные силы должны были быть постоянно в состоянии готовности защитить национальные границы от возможных посягательств со стороны. Соответственно, соседние страны рассматривались как потенциальные противники, амбиции которых постоянно угрожали Аргентине. Среди них, о чем упоминалось ранее, особое место, по мнению военных правительств в Буэнос-Айресе, занимала Чили.

Основным инструментом «индоктринации» населения с целью распространения этого геополитического дискурса в годы Процесса национальной реорганизации (1976—1983) становится Аргентинское общество географических исследований (*Sociedad Argentina de Estudios Geográficos*, GAEA), имевшее большое влияние среди ученых-географов и универси-

²⁶ Колосов В.А. Критическая геополитика: Основы концепции и опыт ее применения в России // Политическая наука. 2011. № 4.

тетских преподавателей, часть которых пополняла ряды правых организаций католического толка. В этот период было опубликовано множество статей и книг, пропагандировавших идею о том, что именно география должна способствовать защите интересов нации, которая позиционировалась как католическая. Авторы подобных работ обосновывали гипотетические территориальные конфликты с Бразилией и Чили, выступали за войну с этими странами, приводили доводы в подкрепление претензий Буэнос-Айреса в отношении Фолклендских/Мальвинских островов и спорных территорий в Южной Атлантике. Среди сторонников подобных идей были не только географы, но и историки, что позволяло эти идеи транслировать на широкую аудиторию и разные поколения граждан, в том числе посредством школьных учебников.

По мнению аргентинской исследовательницы Л. Г. Родригес, авторы и сторонники этого дискурса, не только военные, но и гражданские лица, стремились добиться консенсуса в обществе вокруг потенциальной войны с Чили, поскольку правительственные круги надеялись на поддержку населением своих действий. Пытаясь улучшить свой имидж в глазах общественности, власти активно использовали образ аргентино-чилийской границы как территории, «забытой» предыдущими правительствами, погруженной в отсталость и нищету, где отсутствуют культура и образование — ситуация, которую, как утверждалось, можно изменить²⁷.

Аргентино-чилийские отношения, десятилетиями осложненные из-за пограничного конфликта в проливе Бигл, быстро ухудшались в конце 1970-х гг. Реальная политическая ситуация неизбежно отразилась и на содержании геополитического дискурса на берегах Ла-Платы, где были активизированы усилия по дискредитации соседней страны и ее требований, обоснованию причин возможного наступления и обсуждению предполагаемой угрозы вторжения в провинции Патагонии на юге. Примечательно, что этот дискурс широко распространялся в школах посредством так называемых национальных кампаний, организованных Секретариатом общественной информации (*Secretaría de Información Pública, SIP*), который напрямую зависел от аппарата президента и был частью сложной сети государственных учреждений, занимавшихся контролем и цензурованием культуры.

Этот Секретариат и стал в 1978 г. одним из основных инструментов государственной пропаганды, а значит, формирования геополитического видения граждан. На практике это выражалось среди прочего в организации тех самых национальных кампаний по различным вопросам, подготовке идеологических документов и отправке их в учебные подразделения во всех провинциях. В таких документах, в частности, утверждалось, что Чили стремилась расширить свою территорию за счет Патагонии и Южной Атлантики — районов, которые «всегда были аргентинскими».

²⁷ *Rodriguez L.G.* Políticas educativas y culturales durante la última dictadura militar en Argentina (1976—1983). La frontera como problema // Revista Mexicana de Investigación Educativa. 2010. Vol. 15, N 47. URL: http://www.scielo.org.mx/scielo.php?script=sci_arttext&pid=S1405-66662010000400013 (дата обращения: 06.09.2016).

Очень показательным в этом смысле представляется «Решение с проливом Бигл. От моря до моря» полковника Х.Л. Родригеса, распространенное министерством образования в апреле 1978 г. среди провинциальных министерств. Автор обосновывал территориальные претензии Аргентины и заявлял, что поддерживает «реагирование на любую вооруженную агрессию на суше или на море с применением оружия» и немедленное изгнание чилийских поселенцев в ответ на «незаконное вторжение». Не ограничившись анализом современности, полковник пошел еще дальше — переоценил прошлое и разделил исторических деятелей на тех, кто «патриотически выступал по пограничным вопросам с Чили», и тех, кто этого не делал. Кроме того, министерство предлагало педагогам начальной школы разработать учебные пособия для содействия «исследованиям и творчеству» по этой теме в классах, а учителям средней ступени — непосредственно раздавать ученикам буклеты для «углубления их знаний о предмете»²⁸.

Таким образом, геополитический код Аргентины — в силу специфики ее исторического развития после завоевания независимости — изначально формировался вокруг понятия территории. В зависимости от внутри- и внешнеполитических реалий содержание данного понятия в геополитической мысли этой южноамериканской страны менялось, но неизменной оставалась первостепенная важность фактора территории (или территориальности) в выработке и реализации геополитических концепций и теорий.

Специфика режимов, находившихся у власти в Буэнос-Айресе во второй половине прошлого столетия, не могла не влиять не только на содержание внутренней и внешней политики правительств, но и их геополитического дискурса, который приобретает в этот период не свойственные дипломатической традиции Аргентины черты экспансионизма. В геополитическом дискурсе периода Процесса национальной реорганизации восприятие территории отталкивалось от ее понимания как границы между «своими» и «чужими», что усугубляло недоверие в отношениях с соседними государствами в силу существовавших неурегулированных территориальных споров. Подобное геополитическое видение, распространенное и в других странах Южного конуса, в результате провоцировало повышенную конфликтность в отношениях на двустороннем и многостороннем уровнях (прежде всего, в отношениях Аргентины с Великобританией, Бразилией и Чили, а также вокруг спорных территорий в Антарктике). Таким образом, понятие территории в геополитическом дискурсе военных теоретиков постепенно выходит за рамки физического пространства, а дискурс приобретает черты национальной исторической и культурной идентичности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Багнюк В.Е. Теоретические представления о геополитических конфликтах в классической геополитике // Конфликтология. 2015. № 4.

²⁸ Ibid.

Бражников П.П. Пример рассмотрения борьбы держав суши и моря с точки зрения критической геополитики // Сравнительная политика. 2015. № 4 (21).

Гаджиев К.С. Геополитика: История и современное содержание дисциплины // ПОЛИС. Политические исследования. 1996. № 2.

Колосов В.А. Критическая геополитика: Основы концепции и опыт ее применения в России // Политическая наука. 2011. № 4.

Колосов В.А., Зотова М.В. Геополитическое видение мира российскими гражданами: Почему Россия не Европа? // ПОЛИС. Политические исследования. 2012. № 5.

Колосов В.А., Мироненко Н.С. Геополитика и политическая география: Учеб. для вузов. М., 2001.

Мартынов Б.Ф. Безопасность: Латиноамериканские подходы. М., 2000.

Шербакова А.Д. К вопросу о развитии геополитической мысли в Аргентине // Латинская Америка. 2018. № 4.

Bohoslavsky E. Territorio y nacionalismo en Argentina, 1880–1980: Del espacio al cuerpo nacional // Encuentro de Latinoamericanistas Españoles: Viejas y nuevas alianzas entre América Latina y España. 2006. N 12. URL: <https://halshs.archives-ouvertes.fr/halshs-00104225>

Buchrucker C. Pensamiento político militar argentino: El debate sobre las hipótesis de guerra y la geopolítica // Estudios. Revista del Centro de Estudios avanzados. 1994. N 3. URL: <https://revistas.unc.edu.ar/index.php/restudios/article/view/408/0>

Deciancio M. La construcción del campo de las relaciones internacionales argentinas; contribuciones desde la geopolítica // Revista de Relaciones Internacionales, Estrategia y Seguridad. 2017. N 12 (2). URL: <http://dx.doi.org/10.18359/ries.2316>

Escudé C. Argentine Territorial Nationalism // Journal of Latin American Studies. 1988. Vol. 20, N 1. URL: <http://www.jstor.org/stable/157332>

Escudé C. Education, Political Culture and Foreign Policy: The Case of Argentina // Working Paper of the Duke-UNC Program in Latin American Studies. 1992. N 4. URL: http://www.argentina-rree.com/home_nueva.htm

Reboratti C.E. El encanto de la oscuridad: Notas acerca de la geopolítica en la Argentina // Desarrollo Económico. 1983. Vol. 23, N 89. URL: <http://www.jstor.org/stable/3466451>

Rodríguez L.G. Políticas educativas y culturales durante la última dictadura militar en Argentina (1976–1983). La frontera como problema // Revista Mexicana de Investigación Educativa. 2010. Vol. 15, N 47. URL: http://www.scielo.org.mx/scielo.php?script=sci_arttext&pid=S1405-66662010000400013

Storni S.R. Intereses Argentinos en el Mar. Buenos Aires, 2009.

Tripolone G. Segundo Storni, el mar y la desespacialización de la política. Geopolítica(s) // Revista de estudios sobre espacio y poder. 2015. Vol. 6, N 1. URL: <http://revistas.ucm.es/index.php/GEOP/article/view/48316>

REFERENCES

Bagnyuk V.E. Theoretical concepts of geopolitical conflicts in classical geopolitics // Conflictology. 2015. N 4.

Bohoslavsky E. Territorio y nacionalismo en Argentina, 1880–1980: Del espacio al cuerpo nacional // Encuentro de Latinoamericanistas Españoles: Viejas y nuevas alianzas entre América Latina y España. 2006. N 12. URL: <https://halshs.archives-ouvertes.fr/halshs-00104225>

Brazhnikov P.P. An example of considering the struggle of land and sea powers from the point of view of critical geopolitics // Comparative policy. 2015. N 4 (21).

Buchrucker C. Pensamiento político militar argentino: El debate sobre las hipótesis de guerra y la geopolítica // Estudios. Revista del Centro de Estudios avanzados. 1994. N 3. URL: <https://revistas.unc.edu.ar/index.php/restudios/article/view/408/0>

Deciancio M. La construcción del campo de las relaciones internacionales argentinas; contribuciones desde la geopolítica // Revista de Relaciones Internacionales, Estrategia y Seguridad. 2017. N 12 (2). URL: <http://dx.doi.org/10.18359/ries.2316>

Escudé C. Argentine Territorial Nationalism // Journal of Latin American Studies. 1988. Vol. 20, N 1. URL: <http://www.jstor.org/stable/157332>

Escudé C. Education, Political Culture and Foreign Policy: The Case of Argentina // Working Paper of the Duke-UNC Program in Latin American Studies. 1992. N 4. URL: http://www.argentina-rree.com/home_nueva.htm

Gadzhiev K.S. Geopolitics: History and modern content of the discipline // POLIS. Political research. 1996. N 2.

Kolosov V.A. Critical geopolitics: The basics of the concept and the experience of its application in Russia // Political science. 2011. N 4.

Kolosov V.A., Mironenko N.S. Geopolitics and Political Geography: A Textbook for High Schools. M., 2001.

Kolosov V.A., Zotova M.V. Geopolitical vision of the world by Russian citizens: Why is Russia not Europe? // POLIS. Political research. 2012. N 5.

Martynov B.F. Safety: Latin American approaches. M., 2000.

Reboratti C.E. El encanto de la oscuridad: Notas acerca de la geopolítica en la Argentina // Desarrollo Económico. 1983. Vol. 23, N 89. URL: <http://www.jstor.org/stable/3466451>

Rodriguez L.G. Políticas educativas y culturales durante la última dictadura militar en Argentina (1976—1983). La frontera como problema // Revista Mexicana de Investigación Educativa. 2010. Vol. 15, N 47. URL: http://www.scielo.org.mx/scielo.php?script=sci_arttext&pid=S1405-66662010000400013

Scherbakova A.D. Geopolitical Thinking in Argentina Revisited // Latin America. 2018. N 4.

Storni S.R. Intereses Argentinos en el Mar. Buenos Aires, 2009.

Tripolone G. Segundo Storni, el mar y la desespacialización de la política. Geopolítica(s) // Revista de estudios sobre espacio y poder. 2015. Vol. 6, N 1. URL: <http://revistas.ucm.es/index.php/GEOP/article/view/48316>